

**Крымское ханство и Польша-Литва.
Международная дипломатия на европейской
периферии (XV–XVIII века).
Исследование мирных договоров
с последующими аннотированными
документами. Османская империя
и ее наследие (3)***

Дариуш Колодзейчик

Аннотация. Данная работа посвящена изучению дипломатических и политических отношений Крымского ханства с его северными соседями – Польшей-Литвой и Москвией – в XVI–XVII веках. Особое внимание уделяется анализу равенства или неравенства позиций в этих отношениях и их влиянию на процесс миротворчества. В пятой главе «Процедура миротворчества» части 2 книги *«Крымское ханство и Польша-Литва. Международная дипломатия на европейской периферии (XV–XVIII века). Исследование мирных договоров с последующими аннотированными документами. Османская империя и ее наследие»* (стр. 444–470) рассматриваются вопросы выбора и статуса послов, отправляемых Крымским ханством, включая критерии их подбора, социальное и политическое положение, а также их роль в дипломатических миссиях. В подтеме «Количественный состав, логистика и маршруты посольств» анализируются данные крымских посольств, подробно описываются организационные аспекты дипломатических миссий, включая перемещение, снабжение и пути следования. В работе также затрагиваются экономические аспекты дипломатии, включая расходы на содержание послов и предоставление подарков. В заключении делается вывод о значимости этих отношений для поддержания мира и стабильности в регионе.

* Продолжение. Начало см.: Колодзейчик Д. Крымское ханство и Польша-Литва. Международная дипломатия на европейской периферии (XV–XVIII века). Исследование мирных договоров с последующими аннотированными документами. Османская империя и ее наследие (1–2) / Пер. с англ. Сейтхалиловой Л., Алиевой А. // Крымское историческое обозрение. 2024. Т. 11, № 2. С. 168–213. DOI: 10.22378/kio.2024.2.168-213; 2025. Т. 12, №1. С. 185–207. DOI: 10.22378/kio.2025.1.185-207.

Ключевые слова: Крымское ханство, Польша-Литва, миротворчество, посольства, курьеры, ахднаме, экономические аспекты дипломатии, состав посольств, логистика посольств, маршруты посольств XVI-XVII века.

Для цитирования: Колодзейчик Д. Крымское ханство и Польша-Литва. Международная дипломатия на европейской периферии (XV-XVIII века). Исследование мирных договоров с последующими аннотированными документами. Османская империя и ее наследие (3) / Пер. с англ. Сейтхалиловой Л., Алиевой А. // Крымское историческое обозрение. 2025. Т. 12, № 2. С. 184-214. DOI: 10.22378/kio.2025.2.184-214

ЧАСТЬ 2

ИССЛЕДОВАНИЕ КРЫМСКОЙ И ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКОЙ ДИПЛОМАТИИ И ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ

Глава пятая

Процедура миротворчества

Равный или неравный?

Характер отношений Крыма с северными соседями

Изучая крымско-московские отношения во времена правления Ивана III и Менгли Герая, Роберт Кроски отмечает, что, хотя великий князь московский фактически был доминирующим партнером, он формально принял свое подчиненное положение и признал претензии крымского хана на наследие Золотой Орды, включая его право собирать дань с московских правителей и посылать им ярлыки – формально односторонние документы, адресованные государем подданному. Обращаясь к хану, Иван III оформлял свои письма как смиренные прошения, обозначаемые термином «челобитье» *čelobit'e* (рус. «[глубокий поклон, завершающийся] ударом лба [о землю]») вместо менее унижительного термина *поклон* (рус. «поклон»). Кроски объясняет это напускное смирение существенными выгодами от военного союза с Крымом, способствовавшего московской экспансии в других направлениях, особенно в отношении Литвы, и отмечает, что во взаимоотношениях с другими государствами Иван III занимал гораздо менее сдержанную позицию¹.

¹ Роберт Кроски, «Дипломатические формы отношений Ивана III с крымским ханом», *Славянское обозрение. Американский ежеквартальный журнал советских и восточноевропейских исследований*. Slavic Review. American Quarterly of Soviet and East European studies 43 (1984) 257-269: в отношении аналогичных выводов, см. Юзефович, *Путь посла*, с. 23-31.

Уже в 1575 году внук Ивана III, Иван IV Грозный, отрекся от престола в пользу чингизидского князя, находившегося в Москве под его опекой и крещенного под именем Симеона Бекбулатовича. Царь временно покинул Москву и назывался скромным именем Иванец Васильев, до тех пор, пока через год официально не вернулся к власти. Историки будут вечно спорить о скрытых мотивах этого «политического маскарада». Важным было то, что игра с ручными ставленниками из рода Чингизидов имела давнюю традицию в степи и была перенята московскими правителями, умевшими использовать престиж некогда могущественной династии для продвижения своих целей, как во внешней, так и во внутренней политике².

Если даже у московских правителей были прагматические причины ссылаться на свое прошлое зависимое положение от династии Чингизидов в своих нынешних отношениях с крымскими ханами, неудивительно, что последние еще более охотно обращались к своим чингизидским корням. В 1672 году Селим Герай пытался произвести впечатление на императора из Габсбургов, напоминая имя династии Чингизидов в надежде, что это принесет желаемый результат³.

Характер отношений Крыма с обоими северными соседями – Москвией и Польшей-Литвой – отмечен множеством подобных, аналогичных ситуаций. Ханы, во всяком случае, официально считали обоих северных правителей своими данниками, от которых ожидалось, что они будут вовремя присылать дань и обращаться за торжественными *ярлыками*, подтверждая права на свои владения. С течением времени соответствующие правители стали воспринимать свои отношения с ханами совершенно в ином свете и представлять подношения и денежные суммы, которые они продолжали отправлять в Крым, как безвозмездные подарки или даже как вознаграждение за военную помощь татар, таким образом, представляя ха-

² Омелян Прицак, «Москва, Золотая Орда и Казанское ханство с поликультурной точки зрения», *Славянское обозрение* 26 (1967 г.): 577–583. Мнение о том, что Московия завоевала Степь, не бросая вызов ее правилам, а подчиняясь им, убедительно высказывает и Эдвард Кинан в своей статье, опубликованной в том же томе; см. *там же*: «Московия и Казань: некоторые вводные замечания по образцам степной дипломатии», *Славянское обозрение* 26 (1967 г.): с. 548–558.

³ [. . .] *essendo il nostro regio costume di honorar quelli che professano antica amicitia e fratellanza verso questa nostra augusta Casa Ginghamiana [. . .] et sapendo che Voi sete delli ben affettionati alla Casa Ginghamiana [. . .]; ([. . .] это наш королевский обычай – чтить тех, кто исповедует древнюю дружбу и братство по отношению к нашему августейшему Дому Джингизидов) [. . .] зная, что вы среди тех, кто очень привязан к Дому Джингизидов (Чингизидов) [. . .];* письмо хана, датированное июлем 1672 года и сохранившееся в итальянском переводе, см.: Вена, Haus-, Hof- und Staatsarchiv, Türkei I, 144, ф. 69 (январь – март 1673 г.), л. 61a–62a.

на и его подданных в качестве оплачиваемых помощников. И все же, в случае неизбежного татарского нашествия или срочной необходимости в военной помощи татар, те же правители начинали оперировать понятиями и категориями времен, когда монгольское господство в Восточной Европе было неоспоримым. Временами унижительный вопрос о дани (в таких случаях именуемый именно этим термином) поднимался в польско-литовском и российском внутривосточном дискурсе авторами, стремившимися побудить своих соотечественников к борьбе с беспокойными степными соседями и, возможно, даже к полному вытеснению их из Европы.

Наиболее дискуссионным продолжает оставаться вопрос, связанный с тем, что одни и те же товары и наличные деньги, посылаемые ханам их северными соседями, разными участниками и свидетелями тех событий в разные времена и на разных языках назывались по-разному, а значение используемых терминов варьировалось от *даров* и *жалований*, отправленных по доброй воле, до повинностей и обязательной *дани*. Вполне ожидаемо, что отправители предпочитали использовать первый вариант наименования, а получатели – второй, в мусульманских хрониках и международной переписке можно встретить даже такие термины как *haras* или *cizya* (*харадж* или *джизья*), (i.e., *Ar. haradj and djizya*)⁴.

Исходя из того, что в русских источниках выплаты Крыму обычно назывались *поминками* (*potinki*) (рус. «подарки» или «сувениры»), Анна Хорошкевич доказывает, что Москва не посылала в Крым дань за исключением короткого периода между 1670 и 1685 годами (официально отменена в 1700 г.). Тем не менее, она признает, что дань, именовавшаяся *выходом* (*vuxod*) (букв. «выход», вероятно, русская калька из араб. *haradj*), ранее отправляемая в Золотую Орду и, соответственно, в Большую Орду, последний раз посылалась в 1502 году. По мнению Хорошкевич, когда московские правители посылали крымским татарам подарки, они делали это по доброй воле и взамен от последних ожидалась военная помощь⁵.

Неубедительность приведенных выше аргументов очевидна даже без обращения к восточным источникам⁶, однако следует принять во внимание

⁴ См. № 190 в Части I.

⁵ Хорошкевич, *Русь и Крым*, с. 225–258.

⁶ Тем не менее, это было сделано Иналджиком, наглядно продемонстрировавшим, что в крымско-московской переписке семнадцатого века до 1670 года обычно использовались такие термины, как *улугъ хазине* (*uluğ hazine*) («великое сокровище») и *vërgü* (*вергю* – *верги*) («налог», букв. «что-то отданное, отдаваемое»); см. там же, «Отражение в титулатуре силовых взаимоотношений между Россией, Крымом и Османской империей», с. 394–398 (приложение под названием «Заметки о дани, выплачиваемой татарам»). В крымских источниках XVII века теми же терминами обозначены «подарки», получаемые от польских королей, тог-

три момента: во-первых, термин «*выход*» иногда еще использовался по отношению к денежным отправлениям, посылаемым в Крым, например, в заветании Ивана III⁷; во-вторых, признавая Менгли Герая законным преемником Шейх Ахмеда после катастрофы 1502 года, Иван III молчаливо согласился расширить характер своих более ранних отношений с Большой Ордой на Крымское ханство, хотя он, конечно, пытался получить военную помощь Крыма в обмен на свои выплаты⁸; и, в-третьих, Хорошкевич недостаточно точно дает объяснение причины, по которой Россия, если она действительно в XVI веке не платила дань, должна была согласиться на столь унижительные условия в 1670 году, когда она была значительно сильнее.

Ее утверждение, что дань взималась только с Левобережной Украины, недавно отторгнутой у Польши, поскольку польские короли платили ее еще раньше, не имеет смысла, поскольку значительно большая по размерам территория, составлявшая треть литовских земель того времени и ранее «подаренная» Вильнюсу с ярлыками Хаджи и Менгли Гераев, была захвачена Москвией в 1492–1514 годах. Таким образом, необходимость «компенсации» хану была бы столь же актуальна в 1514 году, как и в 1670 году. Османское вторжение также не является убедительным аргументом: крупномасштабное вторжение осман на контролируемую Россией Левобережную Украину было немыслимо до завоевания польской Правобережной Украины, произошедшего только в 1672 году. Русские переговорщики, согласившиеся в 1670 году платить дань хану, не могли предвидеть результатов кампании, завершившейся осенью 1671 года, которые оформились лишь год спустя⁹.

Хорошкевич, по всей видимости, предполагает, что в то время, когда московские правители гордо отстаивали свой статус, польско-литовские правители охотно поддерживали отношения с Крымом. Однако, такое утверждение находится в любопытном противоречии с мнением Усманова, что ханы считали королей равными себе, а московских великих князей – своими вассалами¹⁰. На самом деле, начиная с XVI века, придворные пам-

да как эти польские «подарки» хану обычно рассматриваются в историографии (также у Хорошкевич) как форма дани.

⁷ См. Кроски, «Дипломатические формы отношений Ивана III с крымским ханом», с. 267.

⁸ См. Виноградов, *Русско-Крымские отношения*, т. 1, с. 60 и 123, № 21.

⁹ Доводы Хорошкевича по поводу решения царя, принятого в 1670 году, см. там же, *Русь и Крым*, с. 238–239.

¹⁰ См. особенно Хорошкевич, *Русь и Крым*, стр. 231 и Усманова, *Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. (Žalovannye akty Džučieva ulusa XIV–XVI vv.)* с. 198. Правда, московские (как и польско-литовские) правители не раз пытались отменить практику, которую они, конечно, воспринимали как унижительную; на-

флетисты (pamthletists) и дипломаты (diplomats) как в Польше-Литве, так и в Московии, делали все возможное, чтобы убедить свою внутреннюю и иностранную аудиторию (особенно западную), что именно другой правитель был данником хана, в то время как покровитель автора [author's patron – видимо имеется в виду правитель автора памфлета или документа, Прим.пер.] храбро защищал Европу от иноверных азиатских варваров / азиатских варваров-безбожников. В то же время, в своей прямой переписке с ханами и польско-литовские, и московские правители представляли своего единоверного соперника их общим вечным врагом и выражали по отношению к татарам свою лояльность и дружбу.

Ханы вели ту же игру и уверяли корреспондентов в упорном стремлении к «старой надежной дружбе», хотя – как они обычно спешили добавить – соперник недавно предложил увеличить свою дань. Подходящей иллюстрацией такого (не)дипломатического языка является документ Саадет-Герая, отправленный Сигизмунду I в 1527 году, в котором хан сетовал на разрушение древней дружбы, позволившей «московскому князю Ивану, рабу [Ruth. Холоп (xolop)] твоих [предков] и наших предков, а также нашего и твоего врага, сына крепостного [Ruth. Смерд (smerd)] по происхождению, недостойного оставаться в братстве и дружбе с нами», вступить в союз с Крымом, в котором «несмотря на то, что он был крепостным, [он, тем не менее] держал свое слово и клятву, и [...] никогда не задерживал [доставку] полагающихся даров»¹¹.

Возможно, вместо того, чтобы выяснять, были ли короли или цари данниками крымских ханов, было бы лучше разобраться – в совершенно постмодернистской манере – в чем заключались реальные и прагматические функции отправленных «даров» или «дани». Для отправителей это был инструмент, порой более дешевый, чем содержание войск и крепостей, позволявших защищаться от татарских работорговцев и предотвращать разрушения, которые могли принести набеги татар; лучше, конечно, если бы эти набеги были направлены против их соперника – соседа христианина¹². Для хана частые прибытия зарубежных посольств с подар-

пример, в 1578 г. московским посланникам в Крым было предписано поставить дары абсолютно той же стоимости, что и дары, которые они должны были получить, но ни в коем случае их дары не должны были превысить стоимости полученных; следовательно, была видна явная разница между общепринятой практикой обмена дарами и данническими отношениями; см. Филюшкин, «Проекты русско-крымского военного союза», с. 329.

¹¹ См. документ 22.

¹² Збигнев Вуйчик (Zbigniew Wójcik) пришел к выводу, что стоимость Крымского союза, в результате которого татарские вспомогательные войска воевали в 1654–1666 годах против московских и шведских врагов Речи Посполитой, была

ками от иностранных правителей, безусловно, способствовали укреплению его авторитета внутри страны. Распределяя полученные преподношения среди верных членов своей семьи и приближенных, хан имел возможность укрепить свои позиции во внутренней политике. Во время засухи полученные средства могли избавить его подданных от голода, что в очередной раз упрочивало бы его позиции как хорошего правителя и покровителя. Разобравшись в этих внутренних механизмах, мы можем лучше понять невозмутимую настойчивость ханов, проявленную в их письмах к северным дворам, относительно своевременной доставки подарков и подробных приложений к этим письмам списков ожидаемых предметов и предполагаемых получателей, включая женщин и домашнюю прислугу¹³.

Их современным адресатам (а также современному читателю) такая мелочность могла бы показаться неподобающей монарху, но иностранное мнение было менее значимо для сохранения положения хана и трона, нежели внутренняя стабильность, во многом зависевшая от способности хана договариваться о доставке подарков (или дани) от реальных и воображаемых вассалов¹⁴.

Несмотря на то, что вопрос дани, по крайней мере формально, определял обоим северным правителям роль крымских данников, был фактор, постоянно ослаблявший позиции ханов во внешних отношениях. Ученые час-

удивительно невысокой по сравнению с расходами польско-литовской казны на содержание своей регулярной армии; среднегодовая стоимость Крымского союза, включая стоимость «подарков», составляла в эти годы 200 000 *злотых* или 67 000 талеров; см. *там же*: «Некоторые проблемы польско-татарских отношений в XVII веке», с. 101–102.

¹³ Об одном таком списке (*defter*) 1635 года, составленном по приказу Инает Герая и отправленном в Москву, см. «Материалы» для истории Крымского ханства, с. 137–147; еще много списков такого типа, как в оригинале, так и в переводах, можно найти в российских и польских архивах.

¹⁴ О визуализации власти, ориентированной на внутреннюю аудиторию, см. Уильям Рузен (William Roosen), «Дипломатический церемониал раннего Нового времени: системный подход», Журнал современной истории 52 (1980 г.): с. 452–476, а именно с. 472–475. Внутренний фактор также упоминается Рональдом Тоби в его, в целом положительной, оценке японской дипломатии раннего Нового времени; по мнению автора, избирательное уединение помогло сёгунам рода Токугава (*the Tokugawa shoguns*) укрепить свое правление и обрести внутренний престиж, представив подданным желательный образ внешнего мира, принявшего статус Японии как универсальной империи; вопрос, распространялся ли этот образ за границы, не имел значения, пока иностранцев фактически не пускали в Японию; см. там же «Государство и дипломатия в Японии раннего Нового времени. Азия в развитии Токугава бакуфу» (“State and Diplomacy in Early Modern Japan. Asia in the Development of the Tokugawa Bakufu”) (Стэнфорд, 1991 г.), с. 201–203.

то связывают постепенную утрату Крымом суверенитета с институтом заложников, введенным по требованию Османской империи, согласно которому несколько принцев из рода Гераев постоянно проживали в Порте; эти заложники гарантировали послушание хана и в любой момент могли заменить «проблемного» правителя. Не следует забывать, что аналогичная система существовала и в Московии в виде марионеточного Касимовского ханства на Оке, управлявшегося представителями различных ветвей династии Чингизидов, остававшегося под покровительством России и существовавшего до XVII века; примечательно, что в 1486–1512 годах трон в Касимове занимал брат-беженец Менгли Герая, бывший крымский хан Нур Девлет и его сыновья. Менее, чем через столетие после насильственного свержения и убийства Мехмеда II Герая, спровоцированного Портой в 1584 году, трое его сыновей нашли убежище в России; часто осуждаемая покорность нового хана Ислама II Герая, проявленная по отношению к Стамбулу, в значительной степени была обусловлена его постоянным страхом возвращения беглых принцев. Таким образом, когда в XVIII веке Екатерина II вмешалась во внутривосточную жизнь Крыма, поддерживав своего протеже Шахин Герая, ее политика в данном вопросе не отличалась новизной, она лишь руководствовалась старыми образцами.

Если сравнивать с целым контингентом из Чингизидов, проживавших на территории Османской империи и России, то число Чингизидов, оказавшихся в Литве или Польше по своей воле либо ставших жертвой обстоятельств, было весьма незначительным. Тем не менее, значимость и авторитет в глазах крымцев были обретены Вильнюсом благодаря помощи, которую однажды Витовт (Vytautas) оказал Тохтамышу и его сыновьям, затем Улуг Мухаммеду и, наконец, Хаджи Герая. В Литве каждый из них получил временное убежище. Казимир заслужил не меньшую благодарность со стороны Менгли Герая, заключив в тюрьму в 1454 году своего главного соперника Сейида Ахмеда (внука Тохтамышя). После ухудшения литовско-крымских отношений в конце XV века ничто так не способствовало их примирению, как решение Вильнюса задержать своего бывшего союзника Шейх Ахмеда после того, как он в 1503 году приехал просить убежища. Пока незадачливый хан провел в литовской «золотой клетке» почти двадцать пять лет, мир с Крымом удалось восстановить. В 1512 году Менгли Герай решился на беспрецедентный шаг и отправил своего внука Джала-леддина к Сигизмунду в качестве гарантии мира. На следующий год молодой принц умер в Вильнюсе и отправление другого принца из рода Гераев так и не состоялось. Это решение поставило под сомнение характер вассальных отношений между Кырк Ером и Вильнюсом: отправил бы сюзерен своего внука в качестве заложника вассалу?

В последующие десятилетия и века опальные либо попавшие в немилость принцы из рода Гераев не раз находили убежище на территории Польши-Литвы или обращались за ее помощью. В 20–30-е годы XVI века Вильнюс негласно поддерживал Ислам Герая, неоднократно поднимавшего бунт против своего дяди Саадет Герая. В 1581 году два мятежных принца из рода Гераев, преследуемые ханом Мехмедом II Гераем (тем самым, который был убит три года спустя и сыновья которого нашли убежище в России), прибыли в Польшу и были вынуждены принести присягу на верность польским сановникам. Один из них, Селамет Герай, позже вззошел на трон и упомянул эту присягу в своем документе, изданном в 1609 году. В 20-е годы XVII века польский двор поддерживал тайные контакты с братьями Мехмедом III и Шахином Гераями, когда они выступили против османского ставленника Джанибека Герая, хотя Варшава старалась открыто не провоцировать Порту. Пребывание будущего хана Ислама III Герая в Польше в 1629–1634 годах носило несколько иной характер, поскольку он был взят в плен и не желал становиться поводом для давления на правящего хана. Тем не менее, его заключение также использовалось для смягчения Бахчисарая и переговоры о его освобождении играли важную роль во взаимоотношениях сторон.

Как бы ни была великолепна традиция Чингизидов и сколь бы грозной не была татарская кавалерия на восточноевропейском театре военных действий, достаточно лишь простого сравнения численности населения и размеров территории с одной стороны Крымского ханства, а с другой – Польши-Литвы или Московии (а позже Российской империи), чтобы усомниться в равенстве их взаимоотношений. Очевидно, осознавая это, ханы зачастую делали отсылку к могуществу Османской империи, стоявшей за ними. Однако такими своими действиями они поставили под сомнение свой собственный авторитет, который заслужили как «свободные суверены»¹⁵.

О складывании подобной патовой ситуации уже в первой половине XVI века можно судить из прямой османско-польской переписки. В 1531 году Сулейман Великолепный уведомил польский двор, что полякам не нужно отдельно вести переговоры с Саадет Гераем, поскольку хан не является суверенным правителем, занимает свою должность благодаря султану и обязан подчиняться ему. Соответственно, османская *ахднаме*, отправленная в Польшу в 1533 году, содержала просьбу султана, адресованную к новому хану, Сахибу Гераю, поддерживать дружбу с Сигизмундом при условии, что последний не будет помогать мятежным родственникам хана (явный намек на Ислама Герая). Однако, когда польский двор, все еще не удовлетворенный ответом, настоятельно просил могущественного осман-

¹⁵ Об этом выражении см. № 310 выше.

ского визиря Ибрагим пашу строго приказать хану соблюдать мир, письмо визиря, написанное в июле 1533 года, было подобно ответу пифии (Pythian answer) [от устаревшего «говорить или отвечать, как пифия» – то есть двусмысленно, витиевато, непонятно, в туманных выражениях – Прим. пер]. Признавая, что Сулейман относился к Сахибу Гераю как к сыну, и последний был обязан своим тронном султану, Ибрагим, тем не менее, подчеркивал, что хан был суверенным правителем другой страны (он являлся наместником и верховным судьей другой страны) (*müstaqil selatin 'idadından olub başqa memlekete vali ve hakimdir*) и неуместно включать его в польско-османский договор¹⁶. Однако он обещал написать хану, ожидая, что тот будет вести себя дружелюбно по отношению к королю.

Со своей стороны, в документе, отправленном в 1539 году Сигизмунду, Сахиб Герай отказался брать на себя ответственность за набеги, совершаемые с территорий, контролировавшихся османским султаном, но обязался в случае, если кто-либо осмелится вторгнуться в его земли, наказать их, поскольку «Его Императорское Величество [т. е. османский султан] не будет упрекать нас за [наказание] их»¹⁷. Более тесное османско-крымское сотрудничество или даже совместный контроль над черноморской степью уже засвидетельствован документом преемника Сахиба – Девлет Герая, изданным в 1552 году.

По поводу того же вопроса, а именно набегов, совершаемых с османских территорий, хан заверял короля: «У меня есть полномочия сдерживать их [. . .]; так как Его Величество, турецкий император, позволил мне держать этих казаков в узде и удерживать их от таких поступков, то даже если я накажу за их проступки, Его Величество Император не упрекнет меня за это»¹⁸. В переписке со своими северными соседями ханы все чаще стали ссылаться на османских султанов, хотя ни одна из сторон не желала отказываться от поддержания прямых дипломатических контактов, даже если такие контакты иногда не поощрялись Портой. Правда, и Варшава, и Москва могли пригрозить Бахчисараю напрямую обратиться к Стамбулу и оказать давление на «непокорных» ханов, вызвав возможный гнев Порты.

¹⁶ Вышеупомянутая польско-османская переписка 1531–1533 годов уже цитировалась в части I; источники цитат см. в примечаниях 218, 220 и 221.

¹⁷ *За это Император, Его Светлость, ничего нам не сделает, (Dla tych Cesarz Jego Miłość nam nic nie uczyni)*; см. Документ 28.

¹⁸ [...] bo ja mam yx moc ot toho povstehaty [...]; bo Cesar Eho Mylost' tureckyj przywołył, aby tyx kozakov vo stjazyvosty mel, a ot toho yx povstehal, bo хотја byx за vystup yx y karal, tohdy my Cezar Eho Mylost' ny slova za to ne reknet'; см. документ 32.

Посланники: подбор и статус

Вполне вероятно, объективным показателем статуса и значимости двух государств в их взаимоотношениях между собой является сравнительный анализ ранга их дипломатов, направляемых одной стороной к другой, и статуса, которым эти дипломаты обладали у себя на родине. Например, среди польско-литовских послов, отправлявшихся с торжественными посольствами в Рим, Париж, Стамбул или Москву, были члены знатных семей, заседавшие в Сенате и зачастую после выполнения своих миссий, продвигавшиеся на самые видные должности в Содружестве. Свита этих посольств, особенно в XVII веке, могла состоять из нескольких сотен всадников. В отношениях Польши-Литвы с Портой, Крымом и Московией выработалась более сложная дипломатическая иерархия, чем в отношениях с западными дворами. В то время как посол, направляемый к западноевропейскому двору, просто назывался *нунцием* (*nuncius*) или оратором (*orator*), дипломаты, отправлявшиеся к султанам, ханам и царям, делились на «великих» и «малых» послов. Среди последних также выделялись «легкие» или «быстрые» послы, обозначались латинским термином *internuncius*¹⁹. Эта иерархия, по-видимому, возникшая под влиянием восточных традиций, тем не менее, была обманчивой: социальный статус «великого посла», отправляемого в Крым, мог быть ниже по иерархии, чем у обычного *nuncius*, направленного в Рим или Вену.

По сравнению с послами, направлявшимися в крупные европейские дворы, отправляемые в Крым обычно имели более низкий статус, за исключением двух первых литовских посольств: миссии князя Ивана Глинского в 1480 году и большого посольства Юрия Зеновича, будущего наместника смоленского и маршалка надворного, в сопровождении Якуба Ивашинцева (*Jakub Iwaścencowuś*), наместника Мозыря в 1507 году. Чаще всего литовские послы к ханам набирались из числа придворных и секретарей великокняжеской канцелярии, имевших благородное, но довольно скромное происхождение, хотя некоторые из них после долгих лет службы могли достичь более высокого положения, как, например, Василий Тышкевич, посол к хану в 1535 году, умерший в должности воеводы Подляшья [Подляское воеводство]. Некоторые из этих послов становились настоящими специалистами по странам, в которые они ездили, как, например, Аникий Горностай, находившийся в Крыму в 1520, 1522, 1534 и 1541 годах. Возможно, наиболее образованным среди литовских посланников был Венцлав Николаевич, отправленный в Крым в 1542 году. Его трактат, *De Moribus Tartarorum*, опубликованный в Базеле (Basle) в 1615 году под псевдонимом

¹⁹ См. Збигнев Вуйцик (редактор), *Польская дипломатическая служба XVI–XVIII веков* (Варшава, 1966 г.), с. 45, 104 и 173.

Михалон Литвин, предоставил ценные сведения о Крыме и его жителях, хотя также содержал – как и большинство путевых заметок – краткие сведения об общественной жизни и судопроизводстве на родине автора.

Польские послы, направлявшиеся к ханам из Кракова, а затем из Варшавы, обычно тоже набирались из числа королевских придворных и секретарей. Стоит упомянуть среди них Мартина Броневого, Лаврина Пясечиньского или Флориана Олешко. Броневикий, пять раз посещавший Крым в период с 1578 по 1592 год, в 1595 году в Кёльне опубликовал свой знаменитый трактат *Tartariae descriptio*. Он стал богатейшим источником знаний о Крыме в Европе, к которому ученые обращаются до сих пор. Столь же насыщенный отчет Пясечиньского о трех его посольствах, составленный в 1601–1603 годах, оказался менее удачным и оставался в рукописи вплоть до 1911 года, когда несколько больших отрывков были опубликованы Казимиром Пуласки. Увы, и по сегодняшний день к этому сочинению редко обращаются, за исключением польских историков.

Обычно королевские секретари, происходившие из менее зажиточных дворянских семей, иногда рассматриваются историками как ядро профессиональной бюрократии, если вообще можно говорить о профессиональной бюрократии в раннее Новое время в Польше-Литве. В отличие от магнатов, которые отправлялись с важными посольствами в крупные европейские дворы и рассматривали эти миссии как шаги в своей дальнейшей карьере, секретари часто становились профессиональными дипломатами, неоднократно отправляясь в одни и те же дворы, приобретая богатый опыт в странах, которые доводилось посещать²⁰. Как ни парадоксально, но более низкий статус Крымского ханства в дипломатической иерархии польского двора способствовал тому, что миссии в Бахчисарай выполнялись более опытными послами.

Анализ социального статуса московских послов, отправлявшихся в Крым, безусловно, выходит за рамки настоящего исследования, но стоит привести показательный пример, уже приведенный Кроски: в 1492 году Иван III поручил своему послу в Крыму публично называть боярином отправленного ранее московского посла Константина Заболоцкого, с которым он должен был встретиться при дворе хана. Кроски отмечал, что этого бы не требовалось, если бы Заболоцкий действительно был боярином²¹. Вопреки ожиданиям принимающей стороны²², Москва посылала в Крым дво-

²⁰ См. там же, с. 142–143, 179–180 и 364–366.

²¹ Кроски, «Дипломатические формы отношений Ивана III с крымским ханом», с. 263; о практике временного присвоения звания бояр московским послам, отправляемым в Крым, см. также Хорошевич, «Русь и Крым», с. 198.

²² В 1680 году Мурад Герай пригласил Василия Шереметева, неудачливого командующего русской армией, проводшего уже 20 лет в татарском плену, присоеди-

рян, но не бояр²³. Как и в случае с польско-литовскими посольствами, предпочтение, отдаваемое послам более низкого ранга, было, как это ни парадоксально, весьма полезным для усиления профессиональных качеств дипломатического корпуса, так как отобранные к участию в поездке обычно обладали достаточным опытом и неоднократно были в составе дипломатических миссий в данную страну. Профессионализм и опыт московской дипломатии усиливались ролью дьяков – канцелярских клерков (писарей), участвовавших в миссиях и занимавших второе место после послов.

Если сравнивать с литовскими, польскими и московскими послами, направлявшимися к ханам, крымские послы, отправлявшиеся в соседние монархические дворы, казалось, имели относительно более высокий статус. Несколько послов, направленных в северные столицы в конце XV – начале XVI века, происходили из наиболее влиятельного крымского рода Ширинов. Здесь следует упомянуть Девлетека, сына Эминека и будущего *qaraçı* Ширина, отправленного в 1475 году в Москву; Башибека, сына Девлетека, отправленного в 1515 году в Краков; Эвлия, брата Башибека, отправленного в 1520 году в Польшу-Литву и задержанного в качестве почетного заложника; Джан Герая, племянника Эвлия, сменившего своего дядю и находившегося до 1526 года в Литве, и, наконец, Макула (Ma`qul), брата Джан Герая, отправленного к Сигизмунду в Краков в 1531 году с большим посольством.

Миссия Макула совпала с неудачным заговором Ширинов против хана Саадет Герая. Заговор был организован Бахтияром, отцом Макула и Джан Герая, и Эвлией, братом Бахтияра и бывшим послом. Пребывая при дворе Сигизмунда, Макул избежал участи своего отца, дяди и других родственников, которые были убиты ханом, но последний уведомил Сигизмунда, что Ширин утратил свой дипломатический статус. В 1532 году на крым-

ниться к переговорам с недавно прибывшим русским посольством, очевидно, уверенный, что боярский статус Шереметева был выше, чем у послов; тем не менее, Шереметев не был уполномочен вести переговоры и даже отказался сесть в присутствии официальных представителей своего государя; см. «Список с государственно-го списка [...] Василия Михайлова сына Тяпкина, дьяка Никиты Зотова», с. 599.

²³ В этом отношении русские правители и аристократы были необычайно едины: первые не хотели ставить под угрозу свой престиж отправкой высокопоставленных посланников, которые могли быть намеренно унижены ханом или задержаны в качестве заложников, а вторые были кем угодно, но с энтузиазмом отправлялись с миссией в Крым; в 1535 году произошел редкий случай, когда Москва решила направить аристократа, князя Александра Стригин-Оболенского к Калге Ислам Гераю, обещавшему свергнуть хана Сахиб Герая и расторгнуть татаро-литовский союз. Оболенский просто отказался ехать, мотивируя это тем, что посланник Ислама, который должен был прибыть в Москву, был ниже его по рангу; см. Юзефович, «Путь посла», с. 35.

ский трон взошел Ислам Герай, давний соперник Саадет Герая, который запросил освобождения Макула и стремился восстановить статус Ширинов. К сожалению для Ширинов, Порта не признала восшествия Ислама Герая на престол и вместо него возвела на ханский трон Сахиб Герая. Новый хан сделал все возможное, чтобы ослабить позиции могущественного рода, и в последующий период Ширины больше не участвовали в дипломатических миссиях в Польшу-Литву.

В 1512 году, когда Менгли Герай согласился отправить своего внука в качестве почетного заложника в Вильнюс, престиж династии требовал, чтобы юного принца сопровождали доверенные и видные особы. Помимо двух итальянцев, состоявших на ханской службе (см. ниже), эта задача была возложена на Девлета Бахты, *карачи* клана Барын, и *каймакама* Карасубазара. Это был единственный случай, когда действующий *карачи* принимал участие в дипломатической миссии в Польшу-Литву. После скоропостижной кончины принца Джелаледдина в 1513 году Девлет Бахты вернулся в Крым с мирным договором от Сигизмунда.

Ширины и Барыны вместе с Аргынами и Кыпчаками традиционно составляли четыре могущественных рода крымской знати. Однако их позиции были потеснены ногайскими переселенцами с Волги, известными как род Мангытов или Мансуров. В XV веке лидер Мангытов Темир был *бег-лербегом* (аналог должности великого визиря) в Большой Орде, а его дочь Нур-Султан вышла замуж за Ибрагима, хана Казани, а после смерти последнего стала женой Менгли Герая. Сын Темира, Тевкель, унаследовал положение отца в Большой Орде, но после ее распада поступил на службу в Крым и основал могущественный клан, оказывавший значительное влияние на крымскую внутривластную ситуацию. Когда Сахиб Герай в 1532 году взошел на престол, сыновья Тевкеля, Баки и Дивей, были его самыми влиятельными сторонниками, поддерживавшими хана в его противостоянии с соперником и претендентом на престол Исламом Гераем, пользовавшимся поддержкой Ширинов. В скором времени новый хан способствовал тому, что Мангыты прочно утвердились на позициях, ранее занимаемых Ширинами. В этом контексте следует рассматривать назначение младшего сына Тевкеля, Дивея, послом в Вильнюс в 1534 году. В 1537 году бывший посол оказал содействие своему старшему брату Баки в организации убийства Ислам Герая. Хотя поначалу это обеспечило им благосклонность Сахиб Герая, однако необузданный нрав Баки вскоре привел к фатальным последствиям, и в 1541 году он был казнен. Дивею повезло больше, он остался жив, и в 1563 году новый хан Девлет Герай назначил его на должность *карачи*. Свою авантюрную жизнь он закончил в московском плену приблизительно после 1576 года. В последующий период растущее напряжение между ханами и их ногайскими подданными и, с другой сто-

роны, деятельность Кантемира в Буджаке, особенно вызывавшая недовольство в Варшаве, делали назначение представителя клана Мангытов послом в Польшу маловероятным.

Среди других влиятельных родов, члены которых выступали в качестве послов в Польшу-Литву, необходимо упомянуть Кулюков, кого российское посольство характеризовало, начиная с 1681 года, как один из наиболее известных крымских родов, наряду с Ширинами, Мангытами, Аргынами и Сулеш-оглы²⁴. В противоположность крупным родам, лидеры которых зачастую занимали должности *карачи*, Кулюки и их главные соперники, Сулеш-оглы, упрочили свои позиции именно благодаря службе при ханском дворе, они формировали промежуточную группу между крымской аристократией и служилыми беками.

Во второй половине XVI века «польско-литовскую группу» при ханском дворе возглавлял кулюковский лидер Дервиш бей (вероятно, он и выступил послом в Польшу в 1552 году). Его сын, Сефер Гази бей, в 1604 и 1609 годах направлялся с дипломатическими миссиями к Сигизмунду III. Затем он активно участвовал в польско-крымских переговорах во время неудачной миссии Олешко в Бахчисарай в 1619 году. В 1624 году он снова был отправлен в Польшу и при возвращении погиб в катастрофе на море²⁵. Следующий лидер рода Кулюков, Ибрагим бей, возглавил крымское посольство в Кракове в 1633 году.

Вторая группа крымских дипломатов состояла из людей, которые добились своего положения исключительно благодаря личным заслугам и преданности хану, а не клановой принадлежности, обычно их называли членами внутренней (*içki*) службы, т. е. придворными хана. В этом контексте следует упомянуть личность Тевкель Улана, чей титул (*ulan*) мог указывать на его чингизидское происхождение, который, однако, был обязан своим положением скорее доверию и благоволению Менгли Герая и в 1506 году был отправлен послом в Литву (примечательно, что два его брата на тот момент жили в Литве)²⁶. Столетие спустя ведущим «знатоком в польско-литовских делах» в Бахчисарае, по-видимому, был Джан Ахмед Челеби, чей титул (*chelebi*) указывал на его принадлежность к образованной части общества²⁷. В 1595 году он был отправлен в составе посольства в Польшу-

²⁴ См. Документ 49, примечание 7. Любопытно, что в отчете не упоминаются такие традиционно влиятельные кланы, как Барыны, Кыпчаки и Седжевуты. Упоминание Сулеш оглы в российском сообщении можно объяснить значительной ролью этого клана в посредничестве между Бахчисараем и Москвой.

²⁵ См. Документ 41, примечания 2 и 5 и п. 399 в части I.

²⁶ См. Документ 7, примечание 2. О термине «*ulan*» см. примечание 348 выше.

²⁷ В контексте Крыма это обычно относилось к чиновникам, которые не происходили из татарской знати, но, тем не менее, получили от хана феодальные вла-

Литву (прямо из Цецоры), кроме этого, и в 1597, 1601 и 1602 годах. Однако его опыт был востребован не только за рубежом. Во время пребывания Пясечиньского в Крыму в августе 1601 года хан поручил Джан Ахмеду Челеби и писцу по имени Хусейн подготовить проект договора, обсуждавшийся с польским послом. Согласно отчету Пясечиньского, два дня они посвятили работе над текстом в резиденции посла в Сюйрю Таш (Süyü Tash) (*Sujurtasz*) недалеко от Бахчисарая, при этом, как отмечает Пясечиньский, татары не отказались попробовать польскую водку (*podpili gorzalką*). Помимо многочисленных посольств к Сигизмунду III, Джан Ахмед Челеби ездил с миссиями в Москву. В 1602 году он доставил *шартнаме* Гази II Герая и присутствовал при принятии присяги царем Борисом Годуновым. Его следующая миссия в 1604 году оказалась менее успешной, так как это совпало с началом Смутного времени (*the Time of Troubles*)²⁸.

Еще более прочным было положение Дедеш аги, который неукоснительно курсировал между Бахчисараем и Варшавой в 50–60-е годы XVII века. Он был не только дипломатом, но и военачальником. В 1663 году вместе с двумя принцами Гераями он возглавил крымские войска, оказывавшие помощь в кампании Яна Казимира против Московии. Когда в 1666 году на трон вззошел Адиль Герай – «выскачка» Чобан Герай, презираемый крымской элитой, – несмотря на недоверие по отношению к советникам своего предшественника, ему, однако, пришлось считаться с опытом Дедеша.

По этой причине дипломат был снова отправлен в Варшаву. Перед ним стояла задача продлить мир от имени уже нового господина. В 1680 году, когда в Бахчисарай прибыло российское посольство, Дедеш ага все еще занимал видное положение, значась в числе ближайших советников (*bliznie ljudi*) хана Мурада Герая и будучи на втором месте после крымского визиря Ахмед аги²⁹.

Особую подкатегорию среди второй группы крымских дипломатов составляли пребывавшие на ханской службе итальянцы. Одним из них, уже неоднократно упоминавшимся, был Августино де Гарибальди, генуэзец из Каффы, регулярно разъезжавший между дворами Менгли Герая и Сигизмунда I, играя важную роль в их примирении. В 1514 году он составил на родном языке – отчасти собственноручно – крымский мирный договор, изданный от имени хана. За годы ханской службы он получил татарский ти-

дения (*timars*); Челеби стояли ниже в иерархии, чем Ага; см. Матуз, «Крымскотатарские документы в Государственном архиве Копенгагена», с. 7.

²⁸ См. также Пуласки, «Три посольства Пясечиньского», с. 365; по поводу биографии Джана Ахмеда Челеби см. Документ 36, примечание 2.

²⁹ Тяпкин В. М. Статейный список стольника Василия Тяпкина и дьяка Никиты Зотова, посольства в Крым в 1680 году для заключения Бахчисарайского договора. Одесса, 1850. С. 589.

тул *бея*, но связи с генуэзской диаспорой на Западе не разорвал, известно, что его братья жили в Испании. Карьера второго итальянца, Винченцо де Гвидульфиса [В русской исторической традиции – Винченцо де Гизольфи. – Прим. пер.] была, пожалуй, еще более колоритной и насыщенной, поскольку он был сыном генуэзского правителя Матреги и черкесской принцессы. В 1512 году выбор *карачи* пал на него – вместе с представителем Барынов и еще одним итальянцем, Джованни Баптиста де Сан-Николо, должен был сопровождать принца Герая в Вильнюс³⁰. Конечно, это были не единственные итальянцы, которые прибывали в то время в качестве крымских послов в Польшу-Литву. Столетие спустя одним из наиболее активных крымских дипломатов был Джанантонио Спинола, также смешанного генуэзско-черкесского происхождения, фамилия которого указывала, что происходил он из некогда богатой купеческой семьи из Каффы. В 1589–1622 годах он семь раз совершал поездку в Польшу-Литву, а также в Швецию и Австрию. Полностью ассимилировавшись в татарском обществе, он использовал альтернативную форму своего имени – Джан Антон – и, возможно, даже не знал итальянского языка, тем более письменного³¹. Можно задаться вопросом, какие критерии, если не свободное владение языком, послужили основанием для привлечения его на дипломатическую службу: религия³², а, может быть, просто его преданность хану?

Тяготение правителей раннего Нового времени к всевозможным «чу-жакам», которые происходили не из местной знати и, следовательно, были более зависимыми и более лояльными, являлось, конечно, не только крымской особенностью.

³⁰ О Винченцо де Гвидульфисе и Августино де Гарибальдесе, см. также документ 16, примечания 10 и 18.

³¹ См. Документ 45, п. 8.

³² Итальянцы на ханской службе сохраняли свою религию, вероятно, дольше, чем свой язык; многие черкесы на ханской службе также были христианами; Пясечинский в 1602 году сообщал, что на аудиенцию к Гази II Гераю его вели два черкеса-христианина, Бийтемир и Кантемир, в то время как ни один из мусульманских придворных хана его не сопровождал, «так как это был обычай» (*«пришли ко мне от царя два Петъгорца: Бий Тимир и Кан Тимир, христиане, чтобы я пошёл к царю [...]»; a из его мусульманских придворных, как было принято, никто меня не сопровождал»*) (*przyszli po mnie od cara dwaj Petyhorcy: Bij Timir a Kan Timir, chrześcijanie, abym szedł do cara [...]»; a z dworzan jego muzułmanów, jako był obyczaj, żaden mnie nie prowadził*); см. Пуласки, «Три посольства Пясечинского», с. 757.

Численный состав, логистика и маршруты следования посольств

Поскольку литовские и польские послы в Крыму обычно не говорили на татарском языке³³, к посольствам присоединялись переводчики. Литовская дипломатия опиралась в этом плане на татар, поселившихся в Великом княжестве в XIV веке и позже. Уже упоминалась знаковая роль Ибрагима Тимирчина, который помогал великому посольству Юрия Зеновича и Якуба Ивашинцова в 1507 году, бывал в Большой Орде и в Крыму и стоял у истоков целой плеяды уже упоминавшихся крымскотатарских переводчиков³⁴. После 1569 года, когда отношения с Крымом стали уже делом польской канцелярии, монополия литовских татар была нарушена армянами, чьи предки в Средние века поселились на территории Червоной Руси (т. е. Галиции) и в Подолии и чьим повседневым языком был кипчакский тюркский, мало чем отличавшийся от татарского³⁵. Иногда переводчики выполняли также роль курьеров или им даже поручались отдельные миссии. Так, например, в 1623 году, когда польский двор был недоволен длительным задержанием своего предыдущего посланника, был сознательно снижен уровень дипломатического обмена и следующая миссия была поручена татарскому переводчику Сулиману Рубаю³⁶.

В 1658–1659 годы, когда польско-татарские отношения в результате военного союза стали особенно интенсивными, армянский переводчик Захарий Петрович совершил восемь поездок в обе столицы³⁷. Коронные гетманы, которые были уполномочены поддерживать дипломатические связи с Крымом, также отправляли в миссии надежных и опытных чиновников, которые говорили на смеси русинского, татарского и польского языков, служившей разговорным языком на степной границе³⁸. Однако торжественные документы, опубликованные в этом томе, доверялись не переводчикам или курьерам, а официальным послам.

³³ Среди редких исключений можно назвать Стефана Нараевского, отправленного к хану в 1634 году, или Криштофа Дзержека, отправленного в 1639 году; последний происходил из семьи, несколько членов которой служили в польской канцелярии переводчиками османского турецкого языка.

³⁴ См. п. 61 выше.

³⁵ Фактически он был перенят членами армянской диаспоры в Крыму у своих соседей-татар.

³⁶ Скорупа, *Stosunki polsko-tatarskie*, с. 245 и 253.

³⁷ Вуйцик, «Некоторые проблемы польско-татарских отношений в семнадцатом веке», с. 95.

³⁸ Считается, что Ян Собеский, гетман и будущий король, немного знал турецкий язык.

В отличие от великих посольств, направлявшихся к главным европейским дворам, посольства, отправлявшиеся в Крым, редко превышали дюжину участников в своем составе, хотя их часто сопровождали торговцы, рассчитывавшие на большую безопасность в пути и надеявшиеся на налоговые льготы. На обратном пути к посольству могли присоединиться бывшие пленники и рабы, выкупленные родственниками или освобожденные ханом в знак доброй воли. Проблемы с логистикой возникали, когда королевское посольство перевозило ежегодные королевские дары (или дань). Так, в июле 1563 года московские послы в Крыму стали свидетелями прибытия «литовского сокровища» (*литовской казны*), погруженного на тридцать шесть телег³⁹.

Безопасность передвижения была серьезной проблемой, поскольку маршрут пролегал через степь, где часто можно было встретить украинских казаков, а также скитающиеся ногайские и татарские элементы, чья покорность какому бы то ни было правителю была, мягко говоря, сомнительной. До середины XVI века послы и купцы все еще использовали средневековый путь *via Tartarica*, который когда-то соединял Центральную Европу с итальянскими черноморскими колониями Кафкой и Таной. В документе Менгли Герая от 1507 года предусматривалось, что на левом берегу Днепра, у переправы через реку Тавань (<Tat. *Toğan keçidi*), недавно построенный по его приказу форт *Исламкерман* (*Islamkerman*) должен был стать местом встречи, куда литовские послы прибывали на лодках и доставляли ежегодные платежи, формально предназначенные для содержания форта. Взамен послы забирали ранее похищенных литовских пленников, а также татарских преступников, признанных виновными в набегах на Литву, которых хан должен был арестовать и передать для наказания. Если этим преступникам удавалось избежать правосудия хана, их жены и дети передавались в качестве заложников⁴⁰. Литовский отчет 1542 года подтверждает, что древняя граница проходила через Тавань, а доходы от переправы через Днепр традиционно делились между литовскими и крымскими правителями⁴¹.

Тем не менее, в 1560 году в указ Девлет Герая был внесен новый пункт, который гласил: «когда посланник нашего брата отправляется к нам из Киева, он не должен везти дары [вашей] казны [дальше] чем до [...] Перекопа; [...] и мы должны приказать забрать у него эти сокровища и дары»⁴². Эта новая расплывчатая формулировка означала, что отныне королевская сторона несла ответственность за безопасность послов и даров не только в пределах литовских границ, но и на маршруте между Таванью и Перекопом

³⁹ См. Филюшкин, «Проекты русско-крымского военного союза», с. 314.

⁴⁰ См. Документ 9.

⁴¹ См. п. 266 в Части I.

⁴² См. документ 33.

(Ферахкерманом), который проходил по территории ханства. Это изменение явно было связано с разрушением Исламкермана Дмитрием Вишневецким в 1556 году и ростом активности днепровских казаков, по крайней мере номинально – царских подданных, что делало путешествие по степи еще более опасным, чем раньше.

Несмотря на то, что хан пытался переложить ответственность на королевскую сторону, последняя уже не желала брать на себя это бремя. В 1571 году королевский посланник тщетно пытался убедить хана, что татарские представители должны забирать дары в Киеве или Брацлаве и перевозить их дальше через степь на свой страх и риск⁴³. Упоминание о Брацлаве позволяет предположить, что уже в то время маршрут, проходивший вдоль реки Буг (the Boh river) к Очакову (т. е. Джанкерману) и пролежавший западнее древнего маршрута через Киев, становился все более популярным. Вероятно, это был маршрут, по которому следовал Мартин Броневский, между 1578 и 1592 годами пять раз бывавший в Крыму⁴⁴. Благодаря короткому пути к Черному морю маршрут огибал основную зону активности казаков в Нижнем Поднепровье, и посольство могло найти убежище в Очакове, где размещался османский военный гарнизон. Тем не менее, Броневский позже признавался, что даже на берегу Черного моря путешественники боялись не только ночевать, но и кормить своих лошадей⁴⁵.

Позже послы следовали маршрутом, который пролегал еще западнее – через территорию Молдавии. Поездка Косаковского в Сучаву была обусловлена тем, что хан находился тогда в Венгрии, принимая участие в войне османов с Габсбургами.

Следовательно, в документах, которыми обменивались король и хан в 1598–1599 годах, предусматривалось, что королевские дары должны были быть доставлены в Аккерман, османский порт в устье Днестра, через который татары ежегодно проходили, направляясь в Венгрию⁴⁶. Тем не менее, королевская сторона сочла новый маршрут более удобным, хотя ее посольство уже было отправлено в Крым. Лаврин Пясечицкий, ездивший в Бахчисарай в 1601–1602 годах, всегда следовал по маршруту, пролежавшему через Яссы в Аккерман, а затем по морю на арендованных османских галерах или торговых судах добирался до Кезлева (тюр. Gözleve), единственного крупного порта в Крымском ханстве. Даже в далеком Аккермане страх перед казаками был настолько велик, что османский гарнизон постоянно

⁴³ См. п. 303 в Части I.

⁴⁴ В описании Крыма Броневский не указал свой маршрут; тем не менее, он описал путь от Брацлава до Очакова и отметил, что дорога заняла шесть-семь дней; см. *Мартин Броневский [...] Описание Тартарии*, с. 1–2.

⁴⁵ Там же, с. 3.

⁴⁶ См. документы 36–37.

находился в боевой готовности, и однажды галера Пясечи́ньского перед самым отправлением была разгружена лишь из-за распространившихся слухов о приближении казаков⁴⁷. После отъезда Пясечи́ньского в Крым королевские дары постепенно стали собираться в Каменце, планировалось отправить их после успешного завершения дипломатической миссии. В королевском документе, переданном через Пясечи́ньского в 1601 году, было оставлено свободное место, где необходимо было указать место вручения подарков, а послу было поручено убедить хана, что Каменец является оптимальным выбором⁴⁸. Стремясь избежать дополнительных транспортных расходов и опасаясь грабежей в Молдавии и Буджаке, польская сторона предпочла освободиться от ответственности еще на своей территории.

Гази II Герай был недоволен как задержкой доставки даров, так и маршрутом, по которому они перевозились. В своем документе, переданном через Пясечи́ньского, он постановлял: «так как ваши послы обычно привозили нам дары, следуя обычным старым маршрутом через Днепр и через поле [т. е. степь]⁴⁹, также и теперь [дары] должны быть отправлены к нам таким же образом, как это делалось во времена наших предков». Тем не менее, хан согласился, что дары, уже накопившиеся в Каменце, могут быть перевезены через Молдавию, чтобы доставить их как можно скорее⁵⁰. Потребовалось еще семнадцать месяцев, прежде чем королевские дары наконец были доставлены из Каменца в Яссы и переданы представителю хана в молдавской столице в январе 1603 года.

Требование перевозить королевские дары по древнему степному маршруту было продублировано в последующем указе Гази II Герая от 1604 года, хотя просьба 1560 года о том, чтобы дары доставлялись до Перекопа, больше не повторялась. От королевских послов требовалось лишь доставить дары «на ближний берег Днепра»⁵¹. В течение последующих двух де-

⁴⁷ Пуласки, «Три посольства Пясечи́ньского», с. 358–359, 472, 648–655, 762. Быстрое развитие Кёзлева в правление Гази II Герая подтверждается еще и учреждением ханского монетного двора; см. Гайворонский, «Повелители двух материков», т. 1, с. 324.

⁴⁸ См. Пустые места, намеренно оставленные в Документе 39; королевское указание посланнику см. у Пуласки, «Три посольства Пясечи́ньского», с. 245.

⁴⁹ Польский термин *pole* («поле») или *dzikie pola* («дикие поля») обозначали малообитаемую степную территорию, простирающуюся к северу от Черного моря.

⁵⁰ См. документ 40.

⁵¹ «Как издревле Их Королевские Величества, предки нашего брата, Его Королевского Величества, были обязаны отправлять нам дары через своих посланников и доставлять их на эту сторону Днепра, и они делали это до настоящего времени, также и впредь Его Королевское Величество должно посылать нам дары через своего посланника каждый год, таким же образом». См. Документ 41.

сятилетий обе стороны все еще не могли договориться о месте, где должна была произойти передача даров. Готовая формула ханского документа, подготовленная королевской канцелярией в 1619 году, содержала конкретное положение о том, что хан должен каждый год отправлять своих послов в Каменец, где они должны забирать королевские дары и переправлять их в Аккерман и далее на татарских лошадях и повозках – в Крым. Численность посольства не должна была превышать двенадцать всадников, а *староста* Каменца должен был предоставить им кров, продовольствие и фураж, однако их пребывание в польской крепости не должно было продолжаться более двух недель, если они хотят остаться дольше, им необходимо было обеспечивать себя самостоятельно⁵². Однако хан отказался издать предложенный указ, а вскоре татары выступили на стороне османов в их войне против Польши и Литвы.

В ходе мирных переговоров в Хотине в 1621 году, наконец, был достигнут компромисс. Было решено, что передача даров хану должна происходить в молдавской столице Яссы. Польский экземпляр договора в Хотине предусматривал следующее:

*«Отныне Речь Посполитая будет предоставлять обычное ежегодное жалование [пол. *zold*] татарскому хану и отправлять его в Яссы, к молдавскому господарю того времени. После уведомления, полученного от молдавского господаря, хан должен отправить своих представителей в Яссы для получения [жалования]»⁵³.*

Однако, когда в 1622 году Кшиштоф Краузовский был направлен в Крым для официального подтверждения заключенного мира, ему вновь была предоставлена готовая формула требуемого ханом документа, повторявшая положение предыдущей формулы 1619 года, что передача должна происходить в Каменце!⁵⁴. Неудивительно, что и другая сторона также вернулась к своей прежней позиции. Документ Мехмеда III Герая, изданный в 1624 году, содержал идеализированную картину бывшего мира и дружбы, когда короли Сигизмунд I и Сигизмунд Август «обычно присылали традиционные сокровища или подарки, частично наличными, частично в виде красивых тканей [...], в Крым, в нашу процветающую резиденцию в Бахчисарае, погрузив их на свои подводки. И едущие с дарами великий посол, купцы и другие люди из его свиты не пострадали никоим образом, а их имущество и товары не были повреждены». Хан напомнил адресату, Си-

⁵² См. документ 46.

⁵³ Колодзейчик, *Османско-польские дипломатические отношения*, с. 378 и 380; этот пункт отсутствует в турецком документе договора, но он вписан в официальное османское «*ахднаме*», изданное султаном Мустафой в 1623 году; см. там же, с. 391 и 398.

⁵⁴ См. документ 47.

гизмунду III, что ранее тот также отправлял подарки Гази II Гераю, погрузив их на королевские подводы и доставлял до Джанкермана [т. е. Очакова], откуда через Днепр посылалась весть об их прибытии. В документе не заявлялось открыто о необходимости восстановления старого маршрута, но это подразумевалось под отсылками к идеализированному прошлому и выражением надежды на то, что король отправит традиционные дары, как это делали его предки⁵⁵.

В то время как в документах Джанибек Герая 1632 и 1634 годов дары упоминались, но не указывалось место их доставки, в документе Инаета Герая от 1635 года повторялась формулировка 1624 года, содержащая отсылку к старым добрым временам Сигизмунда I и Сигизмунда Августа, когда королевские подарки, загруженные на королевские подводы, достигали Бахчисарая, а также – к недавнему времени Сигизмунда III и Гази II Герая, когда королевские повозки, нагруженные дарами, достигали Джанкермана. Напоминая, что «с этой стороны люди отправлялись, чтобы доставить все эти [товары из Джанкермана] в Бахчисарай», Инает молчаливо признал, что примет последний вариант. При этом он отказался от маршрута через Молдавию и Буджак, и это едва ли удивительно, если принимать во внимание его натянутые отношения с ногаями, населявшими Буджак, которые с легкостью могли завладеть дарами.

Просьба о доставке королевских даров на польских подводах до Джанкермана была продублирована в первом указе Бахадыр Герая, изданном в 1637 году.

Однако в последующие годы этот вопрос не поднимался. Любопытно, что в польском экземпляре Зборовского мирного договора (1649 года) предусматривалось положение о необходимости доставки даров в Каменец, но в татарской версии этот пункт отсутствовал. Наконец, в ходе переговоров, завершившихся заключением военного союза в 1654 году, обе стороны договаривались о необходимости передачи даров в Каменце. Это положение было официально зафиксировано как в королевском документе, так и в *ахднаме* Мехмеда IV Герая, доставленном в Варшаву Мариушем Яскольским⁵⁶. Сам посланник прибыл из Бахчисарая в Варшаву по суше, через Перекоп, Очаков и Яссы, вероятно, это был стандартный маршрут в тот период, когда польскую Украину приходилось обходить стороной, поскольку она контролировалась восставшими казаками⁵⁷. Похоже, что к тому времени перевозка даров была окончательно отделена от непосредственно ди-

⁵⁵ См. документ 48.

⁵⁶ См. документы 59, 60, 61 и 64.

⁵⁷ Аугусевич, «Два посольства Мариуша Станислава Яскольского в Крым в 1654 году» (“Dwa poselstwa Mariusza Stanisława Jaskólskiego na Krym w 1654 roku.”), с. 60.

пломатических миссий, и это позволяло послам передвигаться быстрее. Посланец или курьер мог преодолеть расстояние от Бахчисарая до Варшавы за три недели⁵⁸, хотя большинство посольств, особо важных, передвигались гораздо дольше. Например, великое посольство Бахадыр Герая, отправившееся, вероятно, в конце августа 1640 года, прибыло в Варшаву 29 ноября⁵⁹. В 1601 году Пясечинский отбыл из Варшавы 15 апреля и прибыл в Бахчисарай 14 июня, хотя необходимо учесть, что он провел почти две недели в Люблине и Замостье (Zamość), ожидая дополнительных указаний от канцлера Замойского. Возвращаясь обратно, он отбыл из Кёзлева 4 октября и прибыл в Вильнюс 29 ноября. Опытному татарскому посланнику Дедеш аге, неоднократно курсировавшему между ханом и королем в середине XVII века, для преодоления этого расстояния требовалось столько же времени. В 1666 году он покинул Бахчисарай в конце июня и прибыл в Варшаву в начале августа⁶⁰.

Учитывая, что расстояния от Бахчисарая до Варшавы, Вильнюса и Москвы были сопоставимы между собой, время путешествия также было одинаковым. Например, в 1564 году русский курьер, сопровождаемый татарским коллегой, следовал из Бахчисарая в Москву шесть недель⁶¹.

В конце XV – начале XVI веков среднее время, необходимое московским посланникам, чтобы добраться до ханского двора, составляло два месяца⁶². Русские послы, участвовавшие в переговорах по Бахчисарайскому договору (1681 года), также добирались из Москвы в Крым в течение двух месяцев. Их обратный путь продлился гораздо дольше из-за карантина, введенного российскими властями вследствие известия о чуме в Крыму. Тем не менее, донесение из их посольства дошло до Москвы менее чем за три месяца⁶³.

⁵⁸ См. Барановский, *Польско-татарские отношения в 1632–1648 годы*, с. 42; Скорупа, *Польско-татарские отношения*, с. 147.

⁵⁹ Барановский, *Польско-татарские отношения в 1632–1648 годы (Stosunki polsko-tatarskie w latach 1632–1648)*, с. 117.

⁶⁰ О Пясечинском см. Пуласки, «Три посольства Пясечинского», с. 248–250 и 472–478; о Дедеш аге см. п. 496 в Части I.

⁶¹ Они отбыли из Бахчисарая 6 января и прибыли в Москву 17 февраля; см. Виноградов, *Русско-крымские отношения*, т. 2, с. 31–32.

⁶² Сыроечковский, «Пути и условия сношений Москвы с Крымом на рубеже XVI века», с. 207.

⁶³ Послы отбыли из Москвы 18 августа и прибыли в назначенную им ставку на реке Алме (близ Бахчисарая) 25 октября 1680 года; в обратный путь двинулись 9 марта 1681 года, но они были задержаны в Борисове Городке, где в июне был составлен их подробный отчет о посольстве; тем не менее, их первый краткий отчет прибыл в Москву уже в мае (все даты по старому стилю); см. Тяпкин В. М. Статейный список стольника Василия Тяпкина и дьяка Никиты Зотова, посольства

Что касается крымских посольств, то они обычно были намного больше, чем отправляемые королями и царями. Более того, не только ханы, но и калги, нуредины и другие крымские сановники обычно отправляли отдельные посольства или, по крайней мере, их посланники присоединялись к посольствам, отправляемым ханами.

Ханские торжественные документы мира обычно вверялись великим посланникам, которых по-турецки называли *uluğ elçi* или *uluğ elçi başı*)⁶⁴. В 1640 году, когда калга и нуреддин издали свои собственные «ахднаме», которые были доставлены в Польшу отдельными посланниками, этих посланников также называли «великими посланниками». В других случаях калга и нуреддин предпочитали называть своих посланников более скромными словами, обычно «гонцами» (*çarqın* или *çarqın elçimiz*)⁶⁵.

Термин *çarqın* также обозначал ханских гонцов, которые прибывали ранее великих посланников и объявляли об их прибытии или индивидуально выполняли менее значимые миссии. Необычное событие произошло в 1635 году, когда Инает Герай отправил в Польшу свой *ахднаме* через Гази ага, именуемого «великий посланник / гонец» («*great courier*») (Pol. *wielki goniec*, эквивалентный турецкому *uluğ çarqın*). В документе сообщалось о скором прибытии великого ханского посланника Рустема ага, который был уполномочен обсудить все оставшиеся вопросы. Можно задаться вопросом, почему хан не стал медлить с вручением своего торжественного документа великому посланнику? Возможно, решение отправить его через гонца было вызвано неожиданной задержкой отъезда Рустема ага? К сожалению, мы не

в Крым в 1680 году для заключения Бахчисарайского договора. Одесса, 1850, с. 569–578 и 644–658.

⁶⁴ Последний термин появляется в документах Джанибек Герая 1632 и 1634 годов; по словам Иналджика, эти термины использовались альтернативно; ср. *там же*, «Отражение в титулатуре силовых взаимоотношений между Россией, Крымом и Османской империей», с. 410–411.

⁶⁵ См. Документ 51, п. 1; Иналджик предлагает перевести термин *çarqın* как «посланник», оставив английский термин «курьеры» для *ulaqs*; как следствие, не остается английского эквивалента слова «*elçi*» (Иналджик предлагает термин «дипломатический представитель», но он звучит неуклюже); ср. *там же*, с. 410–411. В своей книге, написанной на немецком языке, Матуз переводит термин *çarqın* как летящий [посланник] (*fliegender [Gesandter]*), но его английский эквивалент, опять-таки, «летящий [посланник]» звучит достаточно неуклюже; ср. *то же самое*, *Крымскотатарские документы в Императорском архиве Копенгагена* (*idem, Krimtatarische Urkunden im Reichsarchiv zu Kopenhagen*), с. 53–55. В современных польских переводах (вероятно, также и в русинском, и русском языке; ср. документ 23, п. 10) термин *çarqın* обычно переводился как *goniec*, т. е. «посланник, гонец», и именно так он переводится в настоящем издании.

знаем, был ли также выдан Рустем ага документ мира, поскольку документы его посольства не сохранились.

Великого посланника, отправленного ханом, сопровождали *tet* и *бахши* (*tet* and the *bahşı*). Термин *tet* был известен уже во времена Золотой Орды и первоначально относился к чрезвычайному посланнику. В XVI и XVII веках так именовали ханского придворного или молодого представителя татарской знати, который был вторым по рангу среди членов посольства. Термин *бахши*, также древнего происхождения, обозначал *секретарь* и в XVI веке постепенно был заменен его арабским эквивалентом: *katib*. Тем не менее, оба термина продолжали использоваться по крайней мере до 30-х годов XVII века и до сих пор встречаются в документах Джанибека Герая⁶⁶.

В XVII веке крымские посольства, направлявшиеся к императорскому двору Габсбургов, насчитывали от семи до двадцати трех всадников, и, как правило, количество лошадей превышало число всадников почти вдвое⁶⁷. Аналогично, посольство Крыма в Данию в 1682 году насчитывало тринадцать человек и двадцать четыре лошади⁶⁸. Крымские посольства в Литву и Польшу, особенно в более ранний период, были гораздо более многочисленными. В Восточной Европе в период раннего Нового времени расходы на проживание иностранных послов обычно покрывала принимающая сторона. Более того, татарские послы рассчитывали получить королевские подарки для себя и своих покровителей. Неудивительно, что польско-литовские правители пытались ограничить численный состав татарских посольств. В королевском документе 1535 года Сигизмунд обещал каждый год отправлять хану причитающиеся дары, но одновременно добавлял новый пункт, предусматривавший, что «наш брат, Сахиб Герай хан, не должен присылать к нам своих великих посланцев, потому что из-за долгой дороги наносится большой ущерб нашей казне при обеспечении этих посланцев продовольствием и лошадьми.

Только когда ему нужно известить нас о каком-то деле или новости, он должен посылать к нам гонца в сопровождении одного или самое большее двух человек [*Ruth. honca samohodruha, a nabolšyj samotretja*]. А если он пришлет к нам своего великого посла, то мы не обязаны давать ему никакого содержания из собственных средств, а только вычитаем его из подарка,

⁶⁶ О терминах *tet* и *bahşı*, ср. Документ 20, п. 27 и Документ 35, п. 21.

⁶⁷ Иванич, «Посольства крымских татар при Венском дворе в 1598–1682 гг.» (Ivanics, “Posol’stva krymskix tatar pri Venskom dvore v 1598–1682 gg.”), с. 233.

⁶⁸ Матуз, Крымскотатарские документы в Императорском архиве в Копенгагене (Matuz, *Krimtatarische Urkunden im Reichsarchiv zu Kopenhagen*), с. 50.

который мы должны дать хану». Этот пункт был также внесен в готовую формулу ханского документа, подготовленную литовской канцелярией⁶⁹.

Просьба Сигизмунда была проигнорирована, поскольку касалась лично ханских послов, но, тем не менее, Сахиб Герай обещал ограничить число крымских вельмож, имеющих право отправлять своих послов в Вильнюс и Краков; его грамота от 1539 года конкретно предусматривала, что, помимо хана, только его жены, дочери и невестки, калга и другие принцы рода Гераев, четыре *карачи* и два видных *мурзы* из свиты каждого *карачи* (т. е. всего восемь *мурз*) могли отправлять отдельных посланников к царю (и, как это предполагалось по умолчанию, соответственно рассчитывать на королевские подарки)⁷⁰.

Вопрос был вновь поднят в 1541 году. Во время переговоров в Кракове татарский посол пообещал, что его господин ограничит число гонцов, отправляемых к королю, и свита каждого татарского посланника будет не больше двух человек. Королевская сторона больше не пыталась препятствовать хану в отправке великих послов, но просила, чтобы их свита не превышала двадцати пяти человек. Урегулирование численности посольства было отдано на усмотрение короля, и, если их численность превышала согласованное число, содержание должно было быть вычтено из стоимости ежегодных даров, отправляемых хану⁷¹.

Сахиб Герай был явно недоволен этими просьбами, тем более что королевская сторона до сих пор не признавала права членов его семьи и высших татарских сановников посылать отдельных послов.

В последующем документе от 1542 года хан подтвердил право своих сыновей и других принцев рода Гераев отправлять посольства к королю. Далее он задал риторический вопрос: «Что касается *карачи*, у каждого из них есть 20 000 или 30 000 челяди / поданных, и они всегда обычно отправляли послов и гонцов; должны ли мы теперь сократить их число [т. е. число их посланников]? Они присылали послов во времена наших предков и отцов, мы не можем уменьшить их число. Как у вас есть литовские и польские паны, так и у нас они равны им». В утешение он уверял короля, что нет нужды

⁶⁹ См. документы 26–27. Чтобы пролить свет на то, насколько обременительным для жителей королевских владений было принимать татарских послов, стоит процитировать два королевских указа относительно жителей Черкасс и Канева: в 1539 г. горожане были обязаны обеспечивать продовольствием и кровом, при этом *старосте* было приказано снабжать послов медом, а в 1552 г. горожанам было приказано обеспечивать транспортное обслуживание и размещение, а татарских послов, «когда бы они не прибывали», снабжать сеном, хлебом, мясом и медом из замка; см. Čerkas, *Ukraina v polityčnyx vidnosynax*, с. 50.

⁷⁰ См. документ 28.

⁷¹ См. документ 29, статьи 10–11.

принимать и кормить послов, отправленных кем-то другим из татар, не уполномоченным ханом на отправку посольств: «вам следует отправить их обратно с пустыми руками, чтобы они больше не приезжали»⁷².

Грамота нового хана Девлет Герая, изданная в 1552 году, подтвердила право отправлять посольства к королю исключительно для хана, его жен, калги и других принцев Гераев, трех *карачей* и двух *мурз* и никому иному более⁷³. В следующем документе Девлета Герая, изданном в 1560 году, был затронут еще один вопрос, вызвавший споры в более ранней переписке между двумя дворами. Поскольку к посольствам присоединялись многочисленные купцы, надеявшиеся на налоговые льготы, обычно предоставляемые послам, казна обоих правителей несла значительные потери. Поэтому хан заявил, что его торговые подданные, будь то мусульмане, латинские христиане, армяне или евреи⁷⁴, не должны присоединяться к посольствам и гонцам. В случае же если они, тем не менее, так поступят, то должны платить обычные пошлины.

Усилия по ограничению количества и численного состава татарских посольств были возобновлены королевской стороной в 1619 и 1622 годах, когда в предложенных формулах ханских документов появился пункт, ограничивавший состав этих посольств двенадцатью всадниками, которых надлежало ежегодно отправлять в Каменец (но не далее) для сбора дани. При этом, хан и калга имели право отправлять гонцов к царскому двору при условии, что их свита не будет превышать пяти всадников⁷⁵. Как известно, предложения были отклонены, и в последующих соглашениях этот вопрос больше не возникал.

Тем не менее, крымские посольства при королевском дворе XVII века, похоже, состояли из меньшего числа участников, по сравнению с предыдущими периодами. В периоды напряженных отношений татары не могли рассчитывать на щедрость короля, тогда как в годы союзнических взаимоотношений передача подарков происходила в Каменце, и польские посланники привозили в Бахчисарай дополнительные небольшие подарки⁷⁶.

⁷² См. документ 31.

⁷³ См. документ 32.

⁷⁴ Именуемые «турками, франками, армянами или евреями» (*Turczi, Frasy, Ormyanie, Zydowye*); см. документ 33; любопытно, что православные христиане не указаны, хотя роль греческих купцов в экономике ханства была высокой.

⁷⁵ См. документы 46–47; эти гонцы упоминаются в польском тексте как *poslancy* и, вероятно, должны быть отождествлены с татарскими *çarquns*, тогда как посланники упоминаются как *posłowie* и должны быть отождествлены с татарскими *elçis*.

⁷⁶ Можно привести только один пример: в 1654 году Мариуш Яскольский привез многочисленные подарки различным крымским сановникам, включая и

Поскольку московский двор столкнулся с такими же проблемами в отношении татарских посольств, он также пытался найти аналогичные решения. Бахчисарайский договор (1681 года) предусматривал, что только хан, калга и нуреддин имели право отправлять посольства в Москву, определявшиеся либо как послы (*elçi*), не более пяти человек, чья охрана не должна была превышать двадцати человек, либо как посланники (*çarqun*; переводится по-русски как *gonec*), не более трех человек (очевидно, представлявших хана, калгу и нуреддина), чья группа сопровождения не должна была превышать двенадцати человек⁷⁷.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Dariusz Kolodziejczyk*. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. The Ottoman Empire and its Heritage. BRILL, LEIDEN/BOSTON, 2011. URL: https://shron1.chtyvo.org.ua/Kolodziejczyk_Dariush/The_Crimean_Khanate_and_Poland-Lithuania_international_diplomacy_on_the_European_periphery_15th_en.pdf (дата обращения: 14.04.2025)

Сведения об авторе: Дариуш Колодзейчик – профессор, директор Института истории Варшавского университета; профессор Института истории Польской Академии наук (Варшава, Польша); darkol@uw.edu.pl

Сведения о переводчиках: Сейтхалилова Лейля Сейтхалиловна – лаборант-исследователь Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); lilya_crimea@mail.ru

Алиева Арзы Юсуфовна – внештатный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); arzy.aliyeva.1985@mail.ru

жену могущественного крымского визиря Сефера Гази ага. Польский посланник написал в своем дневнике, что подарки были доставлены тайно, дабы жена визиря не стала объектом зависти жен хана (*aby invidiey u chańskich żon nie miała*); см. AGAD, *Libri Legationum*, № 33, л. 43а.

⁷⁷ Материалы по истории Крымского ханства, с. 652–653; для русского перевода см. Памятники дипломатических сношений... Под редакцией Ф. Лашкова, с. 177.

**The Crimean Khanate and Poland-Lithuania.
International Diplomacy on the European Periphery
(15th–18th Century).
A Study of Peace Treaties Followed by Annotated
Documents. Ottoman Empire and its Heritage (3)***

Dariusz Kołodziejczyk

Abstract. This article examines diplomatic and political relations of the Crimean Khanate with its northern neighbors, such as Poland–Lithuania and Muscovy in the 16th–17th centuries. Particular attention is paid to the analysis of equality and inequality in these relations and their impact on the peacebuilding process. Chapter 5, “The Procedure of Peacemaking,” from the second part “A Study in the Crimean and Polish-Lithuanian diplomacies and diplomacy” of the scientific work “The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. The Ottoman Empire and its Heritage” (pp. 444–470) examines the recruitment and status of ambassadors sent by the Crimean Khanate, including their selection criteria, social and political status, and role in diplomatic missions. The subtopic from Chapter 5 analyzes the size, logistics and routes of the Crimean embassies, detailing the organizational aspects of diplomatic missions, including transportation, supplies, and routes. The study also touches on the economic aspects of diplomacy, including the costs of maintaining ambassadors and providing gifts. Conclusion of the article is about the importance of these relations for maintaining peace and stability in the region.

Keywords: Crimean Khanate, Poland-Lithuania, peacekeeping, embassies, couriers, ahdname, economic aspects of diplomacy, size of embassies, logistics of embassies, routes of embassies of the 16th–17th centuries.

For citation: Kolodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. The Ottoman Empire and its Heritage (3). Trans. from English by Seytkhalilova L., Aliyeva A. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie*=*Crimean Historical Review*. 2025, vol. 12, no. 2, pp. 184–214. DOI: 10.22378/kio.2025.2.184-214 (In Russian)

* Continuation. See the beginning in: Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. The Ottoman Empire and its Heritage (1–2). Trans. from English by Seitkhalilova L., Alieva A. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie* = *Crimean Historical Review*. 2024, vol. 11, no. 2, pp. 168–213. DOI: 10.22378/kio.2024.2.168-213 (In Russian); 2025, vol. 12, no. 1, pp. 185–207. DOI: 10.22378/kio.2025.1.185-207 (In Russian).

REFERENCES

1. Dariusz Kołodziejczyk. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. The Ottoman Empire and its Heritage. BRILL, LEIDEN/BOSTON, 2011. URL: [https://shron1.chtyvo.org.ua/ Kolodzeichyk_Dariiush/The_Crimean_Khanate_and_Poland-Lithuania_international_diplomacy_on_the_European_periphery_15th__en.pdf](https://shron1.chtyvo.org.ua/Kolodzeichyk_Dariiush/The_Crimean_Khanate_and_Poland-Lithuania_international_diplomacy_on_the_European_periphery_15th__en.pdf) (date of access: 14.04.2025)

About the author: Dariusz Kołodziejczyk – Professor, director of the Institute of History at the University of Warsaw; Professor, Institute of History of the Polish Academy of Sciences (Warsaw, Poland); darkol@uw.edu.pl

About the translators: Leilya S. Seythalilova – Laboratory assistant, researcher at the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); lilya_crimea@mail.ru

Arzy Yu. Alieva – Freelance employee of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); arzy.aliyeva.1985@mail.ru